

Юрий Павлович ШКАПЛЕРОВ,

первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

shkaplerov@tut.by

**ФОРМИРОВАНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ПЕРВЫХ УПК РСФСР И БССР**

**FORMATION OF THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE
IN THE PERIOD OF OPERATION OF THE FIRST CODES OF CRIMINAL
PROCEDURE OF THE RSFSR AND BSSR**

В статье анализируются положения УПК РСФСР и БССР в редакции 1922 г., 1923 г. и 1927 г., регламентирующие порядок возбуждения уголовного дела. Обращается внимание на сходство этих положений с соответствующими нормами Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Рассматривается происходящий в анализируемый период в правоприменительной деятельности процесс появления и формирования процедуры проверки органами уголовного преследования заявлений и сообщений о преступлениях, а также порядка вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

The article analyzes the provisions of the Codes of Criminal Procedure of the RSFSR and the BSSR as amended in 1922, 1923 and 1927, which regulate the procedure for initiating a criminal case. The authors draw attention to the similarity of these provisions with the relevant norms of the Charter of Criminal Legal Proceedings of 1864. The process of the emergence and formation of a procedure for checking statements and reports of crimes by the criminal prosecution authorities, as well as the procedure for issuing a decision to initiate a criminal case, which took place in the analyzed period in law enforcement activity, is considered.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, УПК РСФСР, УПК БССР.

Keywords: history of law, criminal procedure, initiation of a criminal case, Code of Criminal Procedure of the RSFSR, Code of Criminal Procedure of the BSSR.

Стадия возбуждения уголовного дела в России и большинстве постсоветских республик является первой стадией уголовного процесса. Именно от оперативного собирания доказательств, а также юридически правильного оформления принятых решений и проведенных процессуальных действий на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности во многом зависит объективность

дальнейшего предварительного расследования и рассмотрения дела в суде. В связи с этим определенный интерес представляет история появления в уголовном процессе порядка проверки наличия признаков преступления, а также принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Начать следует с того, что во времена Российской империи регламентация провер-

ки заявлений и сообщений о преступлениях, а также порядка принятия соответствующего решения отсутствовала. Например, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) называл лишь поводы и основания к началу следствия, а также давал их характеристику. Примерно такой же подход изначально закреплялся и в первых советских УПК РСФСР и БССР. В то же время необходимо отметить изменение применяемой законодателем терминологии: в ст. 91 УПК РСФСР и БССР 1923 г. перечислялись «поводы к возбуждению уголовного дела», а не «поводы к началу следствия», как это было сделано в УУС. Первый из указанных терминов устоялся в законодательной деятельности и уголовно-процессуальной науке и применяется без каких-либо корректировок уже сто лет.

В рассматриваемый исторический период под поводами к возбуждению уголовного дела М.С. Строгович понимал «те установленные законом условия, при которых соответствующие органы имеют право возбуждать уголовное дело и наличие которых обязывает эти органы решать вопрос о том, есть или нет в каждом конкретном случае основания реагировать на данный факт как на преступление и приступать к производству предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий» [9, с. 153].

Но в отличие от УУС советский уголовно-процессуальный закон уже не содержал указания на необходимость наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, что, очевидно, свидетельствует об определенном регрессе нормативного регулирования данного аспекта уголовно-процессуальных правоотношений. Такой подход советского законодателя в рассматриваемый исторический период подвергался обоснованной критике [12, с. 31], а в уголовно-процессуальной науке большинство авторов рассматривали основания к возбуждению уголовного дела в качестве обязательного элемента для принятия соответствующего решения [1, с. 15; 5, с. 105]. По мнению М.С. Строговича, основанием к возбуждению уголовного дела считалось наличие определенных фактических дан-

ных, устанавливающих с известной степенью вероятности факт преступления, на которое органы прокуратуры, следствия и суда должны были реагировать путем предусмотренных УПК действий [9, с. 153].

Согласно ст. 91 УПК РСФСР и БССР 1923 г. поводами к возбуждению уголовного дела являлись:

- 1) заявление граждан и различных объединений и организаций;
- 2) сообщение правительственных учреждений и должностных лиц;
- 3) явка с повинной;
- 4) предложение прокурора;
- 5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда.

Кроме того, в литературе, правда, по отношению к УПК УССР, предлагалось дополнить приведенный перечень поводов к возбуждению уголовного дела еще одним – сообщением печати [1, с. 13].

УПК РСФСР и БССР не содержали развернутого описания каждого повода к возбуждению уголовного дела, как это прежде было сделано в УУС, а лишь кратко давали характеристику первому из них. В частности, согласно ст. 94 УПК БССР 1927 г. судья, следователь, прокурор и органы дознания обязывались принимать все заявления о преступлениях. При этом судья и следователь должны были принимать заявления в том числе и по не подсудным и не подследственным им делам, направляя их затем компетентным органам.

Заявления граждан могли быть письменными и устными («словесными»). Письменные заявления в обязательном порядке подписывал заявитель (ст. 93 УПК БССР 1927 г.). Устные заявления судья, следователь, орган дознания или прокурор вносили в протокол, который также подписывался заявителем. При этом последний предупреждался об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 92 УПК БССР 1927 г.). Анонимные заявления, как и сегодня, не выступавшие в качестве поводов к возбуждению уголовного дела, подлежали «предварительной негласной проверке» органами дознания. И если по ре-

зультатам такой проверки все же устанавливались признаки преступления, компетентные органы и должностные лица были обязаны принять решение о возбуждении уголовного дела (ст. 93 УПК БССР 1927 г.).

Под заявлениями «различных объединений и организаций» понимались сообщения учреждений, предприятий и организаций, не являвшихся правительственными, т.к. сообщения последних выступали в качестве отдельного повода к возбуждению уголовного дела (п. 2 ст. 91 УПК БССР 1927 г.). Стоит отметить, что в практической деятельности по сообщениям хозяйствующих субъектов о недостаче очень часто возникали вопросы о наличии необходимых оснований к возбуждению уголовного дела в связи с тем, что такие сообщения, как правило, не подтверждались необходимыми документами и материалами. В связи с этим Прокурор СССР и Наркомвнуторг СССР 3 декабря 1936 г. своим циркуляром N 73/15134 обязали торговые организации приобщать к заявлению о преступлении в орган уголовного преследования полный акт ревизии, объяснение материально ответственного лица, заключение бухгалтера, а также оправдывающие документы, не принятые бухгалтерией [9, с. 155].

Сообщения правительственных учреждений и должностных лиц рассматривались на общих основаниях. Определенное исключение из этого правила составляли сообщения «высших государственных учреждений». Так, например, циркуляр НКЮ СССР от 8 июня 1922 г. N 44 указывал органам уголовного преследования на необходимость «внеочередности производства расследований по поручениям ВЦИК, СНК и СТО» [4, с. 83].

Различными ведомственными нормативными актами регулировались также иные вопросы, связанные с подачей в органы уголовного преследования сообщений учреждений и должностных лиц о преступлениях. Так, приказом Народного комиссариата внешней торговли СССР и Прокуратуры СССР от 3 декабря 1936 г. N 73/15134 устанавливалось, что сообщения о хищениях из торговой сети должны были содержать сведения о личности и имущественном положении

подотчетного лица, об условиях работы торгового объекта и о порядке хранения в нем товарно-материальных ценностей. К сообщению подлежало прилагать: акт ревизии с указанием размера недостачи или суммы похищенного, периода образования недостачи и процента скидки на естественную убыль; объяснение материально ответственного лица; заключение бухгалтера о недостаче; все документы подотчетного лица, не принятые бухгалтерией или ревизорами. 26 декабря 1937 г. Всероссийский центральный союз потребительских обществ и Прокуратура СССР утвердили циркуляр N 89/4556, в соответствии с которым в сообщении о хищении или недостаче в системе потребительской кооперации должно было указываться: в чем состоит преступление; сумма недостачи (похищенных ценностей); место, условия совершения преступления, время его выявления; предполагаемые виновные; свидетели. Похожие требования к сообщению о недостачах и хищениях на предприятиях торговли и общественного питания предъявлялись в циркуляре Наркомторга и Прокуратуры СССР от 28 февраля 1938 г. N 11053 [3, с. 106].

Как отмечалось ранее, в УПК БССР 1927 г. не было положений, раскрывающих суть не только сообщений правительственных учреждений и должностных лиц, но и явки с повинной, предложения прокурора, непосредственного усмотрения органов дознания, следователя или суда как поводов к возбуждению уголовного дела. Однако наименование перечисленных поводов позволяет говорить о том, что их содержание во многом было схожим с содержанием закрепленных ранее в ст. 297 УУС таких «законных поводов к начатию предварительного следствия», как сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц, явка с повинной, возбуждение дела прокурором и возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя. Видимо, в данном случае советский законодатель при конструировании названных положений УПК РСФСР и БССР исходил из аксиоматичности содержания поводов к возбуждению уголовного дела для правоприменителей и избыточности в этой

связи нормативного регулирования данного вопроса. И все же стоит отметить, что такой повод к возбуждению уголовного дела, как предложение прокурора, должно было представлять собой «ясное, точное и категорическое указание [следователю] на совершенное преступление» в случаях, когда таковое было выявлено данным должностным лицом в ходе деятельности. При этом в 1940-1950-е годы указанные предложения прокуроры стали облекать в форму постановления о возбуждении уголовного дела, передавая их затем вместе с имеющимися материалами органам уголовного преследования [5, с. 104].

Непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда в качестве повода к возбуждению уголовного дела встречалось, как правило, когда в ходе расследования либо судебного рассмотрения уголовных дел указанными должностными лицами и органами устанавливалось новое преступление, а также при непосредственном выявлении ими общественно опасных деяний в процессе повседневной деятельности [1, с. 15].

Новый советский уголовно-процессуальный закон не содержал точного и подробного порядка принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. В ст. 96 УПК РСФСР и БССР 1923 г. лишь указывалось, что при наличии поводов к возбуждению уголовного дела, а также признаков состава преступления:

- 1) органы дознания приступали к дознанию;
- 2) прокурор направлял дело для производства предварительного следствия или дознания либо непосредственно в суд;
- 3) следователь приступал к производству предварительного следствия, о чем в течение суток сообщал прокурору;
- 4) суд направлял дело для производства дознания или предварительного следствия либо непосредственно принимал его для рассмотрения по существу.

И наоборот, не установив признаков преступления, суд или орган уголовного преследования отказывали «в производстве дознания или предварительного следствия», о чем объявляли «заинтересованным лицам или уч-

реждениям», которые, в свою очередь, в семидневный срок могли обжаловать принятое решение в суде (ст. 95 УПК РСФСР 1923 г.).

В белорусском и российском советских уголовно-процессуальных законах в редакциях 1922 г., 1923 г. и 1927 г. ничего также не говорилось о возможности процессуальной проверки наличия оснований к возбуждению уголовного дела. Однако на практике в 1920-1930-е гг. должностные лица органов уголовного преследования до возбуждения уголовного дела проводили нужные им следственные действия – допросы, экспертизы и т.п. Такая деятельность, могущая длиться до 1 года [6, с. 123], называлась «доследственной проверкой», и иногда в ее рамках «производилось самое обычное предварительное следствие, но так как дело формально не возбуждалось, следствие именовалось проверкой, а уголовное дело – перепиской». Очевидно, что описанные действия органов дознания, следователей и прокуроров не соответствовали положениям УПК РСФСР и БССР [9, с. 41], в связи с чем Прокуратура СССР в довоенные годы своими приказами запрещала проведение доследственных проверок. Но полностью искоренить такой подход правоохранителей не получилось (приказы Прокурора СССР от 20 апреля 1935 г. N 15/4 и от 25 сентября 1936 г. N 58/6). Хотя стоит отметить, что та же Прокуратура СССР допускала возможность проверки заявлений и сообщений о преступлениях непроцессуальным путем исключительно прокурорами, для чего могли истребоваться документы справки и т.п. [9, с. 154; 13, с. 351].

Но, как показали дальнейшие события, несмотря на регулярные указания не только Прокурора, но и МВД СССР, «доследственную проверку» ликвидировать не получилось, а ее объективная необходимость сначала вынудила МВД СССР в 1950-х гг. согласиться дать пояснение о возможности проведения до возбуждения уголовного дела осмотра места происшествия и судебно-медицинской экспертизы, а уже в 1960-х гг. законодатель в новых советских УПК легализовал имевшуюся практику проверки заявлений и сообщений о преступлениях [1, с. 19].

Что касается оформления решения о возбуждении уголовного дела в рассматриваемый период, то в силу неоднозначного нормативного регулирования в этой части вообще отсутствовала единая практика. УПК РСФСР 1923 г. в гл. VII «Возбуждение производства по уголовному делу» не содержал требований вынесения соответствующего постановления. В то же время такое указание, касавшееся исключительно следователя, имелось в ст. 110, которая находилась в гл. IX «Общие условия предварительного следствия» УПК РСФСР 1923 г. Данное обстоятельство С. Голунский в свое время пояснял тем, что в советском уголовно-процессуальном законе сохранилось «выработанное в буржуазном процессе деление предварительного расследования на дознание и предварительное следствие» и «ряд вытекающих из такого деления процессуальных ограничений для дознания» [2, с. 38]. Вместе с тем в 1920-е гг. вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела вошло в практику большинства органов дознания [2, с. 39], видимо, в силу применения ими аналогии закона. Учитывая то обстоятельство, что подобный подход не основывался на буквальном толковании уголовно-процессуального закона, НКЮ РСФСР в целях борьбы с формализмом при принятии решений о возбуждении уголовных дел своим циркуляром от 5 июля 1929 г. для констатации факта принятия указанного решения признал достаточным наличие на заявлении о преступлении следующей резолюции: «Возбудить уголовное дело по статье ... УК РСФСР» [2, с. 39; 14, с. 15]. Причем решение НКЮ РСФСР распространялось не только на органы дознания, но и на следователей, в связи с чем оно подверглось критике. И как следствие этого, по итогам выступления прокурора СССР А.Я. Вышинского на I Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников 23 апреля 1934 г. в п. 13 резолюции данного совещания было четко указано и в дальнейшем закреплено директивным письмом Прокурора СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования», что в целях не-

допущения необоснованного возбуждения уголовных дел начало расследования могло иметь место только в связи с вынесением следственным органом мотивированного постановления о возбуждении уголовного дела [2, с. 39; 14, с. 15], которое подлежало утверждению надзирающим прокурором [7, с. 100; 9, с. 157]. Последнее обстоятельство позволяло некоторым ученым в рассматриваемый период утверждать о некоей привилегированности органов дознания по отношению к следователю, т.к. их постановления, исходя из буквального толкования положений названного директивного письма, прокурором не утверждались [7, с. 100]. Постановления дознавателя о возбуждении уголовного дела утверждалось начальником органа дознания и санкционировались прокурором¹.

Позже для обеспечения единообразного понимания требований о процессуальном оформлении решения о возбуждении уголовного дела Прокурор СССР установил специальную форму данного постановления [14, с. 15], а в последующем соответствующие изменения были внесены и в УПК БССР [11, с. 18]. Как указывал М.С. Строгович, в постановлении о возбуждении уголовного дела указывалось: 1) место и время вынесения постановления, название органа, принявшего решение; 2) повод к возбуждению уголовного дела; 3) основания к возбуждению уголовного дела, «т.е. указания на конкретные факты преступлений, о которых орган, возбуждающий дело, получил сведения»; 4) «юридические признаки ... состава преступления, т.е. соответствующая статья Уголовного кодекса» [9, с. 156]. Ну а правило об утверждении прокурором постановлений о возбуждении уголовных дел существовало практически до принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. [6, с. 125].

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела также полагалось облекать в форму постановления [9, с. 155]. При этом обстоятельствами, исключаящими возможность уголовного преследования, в том числе возбуждения уголовного дела, являлись:

¹ Напр.: Уголовное дело от 12 марта 1949 г. N 699 // Архив кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь.

1) смерть обвиняемого; 2) примирение обвиняемого с потерпевшим по делам частного обвинения; 3) отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения; 4) истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности; 5) отсутствие в деянии состава преступления (в том числе недостижение лицом, совершившим преступление, возраста привлечения к уголовной ответственности); 6) акт амнистии; 7) наличие вступившего в законную силу приговора в отношении данного лица по обвинению в том же преступлении (ст. 3, 4 УПК РСФСР, БССР).

Как видно из приведенного списка, законодатель в УПК РСФСР и БССР по отношению к лицу, подозревавшемуся в совершении преступления, применял термин «обвиняемый», как это имело место в УУС.

Помимо указанного в качестве еще одного обстоятельства к отказу в возбуждении уголовного дела можно назвать отсутствие разрешения компетентного органа на возбуждение уголовного дела в отношении определенной категории должностных лиц. В частности, 7 января 1934 г. циркуляром Прокуратуры СССР устанавливалось правило о возбуждении уголовных дел о выпуске недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции только с санкции областных или вышестоящих прокуроров. С 13 августа 1940 г. во изменение данного порядка санкцию на принятие решения о возбуждении уголовных дел по факту выпуска недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции предприятием районного подчинения необходимо было получать у прокурора района, предприятием областного подчинения – у прокурора области, предприятием республиканского подчинения – у прокурора республики, предприятием союзного подчинения – у Прокурора СССР. С 1 июня 1934 г. Прокуратурой СССР похожий порядок был распространен на принятие решений о возбуждении уголов-

ных дел в отношении директоров совхозов, трестов (26 июля 1936 г. исключены из этого перечня) и МТС, 15 апреля 1935 г. – на директоров колхозов, а с 29 мая 1941 – на лиц из числа сельского актива. Приказом от 22 июня 1935 г. Прокурор СССР предписал получать санкцию областного прокурора на привлечение к уголовной ответственности заведующих, приемщиков и бухгалтеров заготпунктов, а приказом от 11 августа 1939 г. – на привлечение врачей и директоров школ по должностным преступлениям и т.д. [3, с. 23-24]. Что интересно, давая характеристику особому порядку привлечения к уголовной ответственности некоторых должностных лиц, М. Чельцов писал, что этот порядок, «известный в той или иной мере буржуазным процессуальным законодательствам, крайне расширяемый фашистским процессом до полной безнаказанности всех злоупотреблений и превышений власти чиновников... был упразднен советским законодателем...». При этом «не в порядке изменения этого принципа, а лишь в порядке учета ошибок следственного аппарата» рассматриваемый институт в СССР все-таки был возрожден [12, с. 34].

В заключение необходимо отметить, что 1920-1930-е гг. стали временем появления в российском и белорусском уголовном процессе проверки заявлений и сообщений о преступлениях до возбуждения уголовного дела, а также порядка вынесения одноименного постановления. При этом соответствующие правоотношения формировались в первую очередь на практике, а не в законодательной среде, и лишь позднее были включены в уголовно-процессуальный закон. Однако учеными-процессуалистами вплоть до конца 1930-х – начала 1940-х гг. возбуждение уголовного дела рассматривалась как «начальный момент уголовного процесса», а не как самостоятельная стадия уголовного процесса [9, с. 150]. И лишь к 1950-м гг. этот подход претерпел изменения [1, с. 4; 9, с. 6; 10, с. 39].

Библиографический список

1. Альперт, С.А. Возбуждение уголовного дела органами милиции / С.А. Альперт. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1957. – 30 с.
2. Голунский, С. О возбуждении уголовного преследования / С. Голунский // Социалистическая законность. – 1936. – N 2. – С. 38-42.
3. Жогин, Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
4. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и постатейный комментарий с приложением алфавитно-предметного указателя / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. – М.: Право и жизнь, 1924. – 375 с.
5. Настольная книга следователя / под общ. ред. Г.Н. Сафонова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 879 с.
6. Памятники российского права: в 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / под общ. ред. В.А. Лазаревой, Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 608 с.
7. Савицкий, В.М. Вопросы расследования преступлений в связи с проектом УПК РСФСР / В.М. Савицкий // Советское государство и право. – 1958. – N 8. – С. 99-105.
8. Стрёмовский, В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / под ред. М.М. Гродзинского. – М.: Госюриздат, 1958. – 136 с.
9. Строгович, М.С. Уголовный процесс / проф. М.С. Строгович ; Ин-т права АН СССР. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 311, [1] с.
10. Тарасов-Родионов, П.И. Предварительное следствие / П.И. тарасов-Родионов ; под ред. Г.Н. Александрова, С.Я. Розенблинта. – М.: Госюриздат, 1955. – 247 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. – Минск: Редакция научно-технической литературы, 1957. – 180 с.
12. Чельцов, М.А. Возбуждение уголовного дела и процессуальное положение следователя / М.А. Чельцов // Социалистическая законность. – 1937. – N 3. – С. 28-35.
13. Чельцов-Бебутов, М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. – М. : Юрид. изд. тип. «Печатный двор», 1948. – 624 с.
14. Швед, А.И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь / А.И. Швед. – Минск: Харвест, 2007. – 432 с.